

АРМЯНСКИЙ СЛЕД

Продолжение. Начало на стр. 6–7

выбираться из-под теплого одеяла не очень-то хотелось. Да мы и не обговаривали предыдущим вечером дальнейший маршрут. Оттого меня и удивило пробуждение Маркара в столь ранний час, учитывая, что он сам не прочь часок-другой поваляться по утрам.

— Что случилось? Дай поспать, — не унимался я.

— Нет. Вставай. Я тебя должен кое-куда повести. Думаю, тебе понравится.

— Если мне что-то и понравится, то только сон. Мы поздно легли. Да я и не высался.

Маркар не унимался:

— Просыпайся же, ну! Сам же пожалел, что не поехал, куда я тебя зову. Ты должен это увидеть.

— Что увидишь? Куда ехать-то? Далеко?

— Нууу, — протянул Маркар. — Да, не близко. В «Русскую Америку».

Тут я прозрел, широко раскрыв глаза: — Чего? На Аляску что ли?

— Нет. У нас тут в Калифорнии своя «Русская Америка». Не хуже Аляски. Но не близко.

— «Не близко» это сколько?

— Почти 140 миль.

— Ты мне по-русски-то скажи. А то приглашаешь в какую-то «Русскую Америку», а говоришь в майлзах.

— Почти 230 километров.

— Маркар, ты с ума сошел? Разбудил меня чуть свет и тащишь в какую-то «Русскую Америку», до которой так долго ехать?

— Ну не хочешь, тогда спи. Только потом не сожалей.

Настойчивость Маркара пробудила во мне любопытство. Да и сон уже испарился. Слово делаю одолжение, я сел на кровать, вытянув руки вверх, потягиваясь, произнес:

— Ладно. Твоя взяла! Все равно уже не уснуть. Поехали!

Через 40 минут мы отправились из Сан-Хосе куда-то к северу от Сан-Франциско.

— Так куда мы все-таки едем?

— В Форт-Росс. Слышал о таком? — спросил меня Маркар, хитро улыбаясь.

— Нет, — честно признался я. — А что там такого необычного?

— Сам увидишь.

Маркар продолжал меня интриговать. Но чем дальше мы ехали, тем красивее открывался нам вид за окном автомобиля. Сначала слева нас сопровождали тихоокеанские волны. Затем все это сменилось на хвойные леса. Потом мы стали подниматься в горы. Преодолевая перевал за перевалом, снова спустились в предгорья, где показалась река, спешащая к океану, а перед ней деревянная изба.

— Перекусим? Нам ехать еще не меньше часа, а в Форт-Россе негде будет поесть.

Я был не против. Мы припарковались у избышки, вошли. Дверь была не заперта. Бросилась в глаза обстановка, напоминающая домик в деревне. Причем не американской, а русской. Дом ухоженный, чистый. На большом круглом столе вышитая скатерть, у плиты на деревянном столике корзина с нарезанным хлебом и несколько кастрюль.

— Что это? Где хозяйка и кто здесь живет? — забросал я вопросами Маркара.

Вместо ответа он предложил мне сесть за стол, а сам стал хозяйничать, заглядывая в кастрюли.

— Тебе что? Борща или окрошку? О... Тут еще гречневая каша есть с грибами. Будешь?

Я сидел и недоумевал, не понимая происходящее. Не дождавись ответа, Маркар сам за меня решил:

— Давай по борщу и каше.

— Маркар, это твой загородный дом?

— Нет. Что ты! Сейчас накрою на стол и скажу.

Мы приступили к трапезе. Поглощая с аппетитом хозяйскую кашу, Маркар заметил:

— Видишь реку за окном? Она называется Slavyanka.

— Так мы уже добрались до Форт-Росса?

— Нет. Но уже недалеко. А изба это принадлежит двум русским женщинам. Я не знаком с ними близко. Лишь однажды видел. Думаю, они живут где-то рядом.

— Тогда почему мы здесь?

Тут Маркар и раскрыл секрет, от которого я был удивлен не меньше. Оказывается, в Америке немало таких до-

мов для путников. В них никто не живет, но они кому-то принадлежат. Хозяйка с утра готовят еду, а сами уходят восвояси. Любой проголодавшийся путник может войти в такой «дом для гостей», поесть, попить, справиться нужды и отправиться дальше в путь.

— А какой интерес хозяйкам кормить путников?

— Видишь ту корзину возле умывальника? — Маркар указал на небольшую плетенку, точь-в-точь как та, что с хлебными нарезками. — Заскочившие сюда гости, уходя, могут положить в эту корзину сколько не жалко. И гости сыты, и хозяйка довольна.

— А бывает, что на халяву кто-то пользуется гостеприимством, не заплатив ни цента?

— Не думаю, — ответил Маркар. — Хоть 10 долларов да оставят.

«Очень оригинальное решение», — подумал я. — «И впрямь удобно. Особенно в зимний период. Войти, поесть, погреться и дальше поехать. Но главное даже не это. А само отношение человека к человеку. Ведь сколько путников бывало до нас и после нас приедут. Каждый уберет за собой, помоеет посуду и не прикармнит то, что было положено в корзину до него».

Мне уже понравилось наше незапланированное путешествие в Форт-Росс. Причем одной только этой избой с видом на Славянку. Но что же там дальше за рекой?

На этот раз ответ не заставил себя долго ждать. Мы добрались до Форт-Росса, я остолбенел от увиденного. Передо мной открылась какая-то русская историческая деревушка с избами, настоящей деревянной мельницей, конюшнями, рубленной дубовой церковкой и заборами из досок, на которых вместо привычных нам петухов гордо восседали белогривые орланы — символы Соединенных Штатов. Деревня находилась на вершине, у самого обрыва, о которой бились тихоокеанские волны. Красота неопишуемая.

— А где же жители Форт-Росса? — поинтересовался я.

— К сожалению, их давно нет. Молодые разбежались, а старики померли. Вон, глянь, за околицей кладбище. Там они и похоронены. Теперь Форт-Росс просто музей под открытым небом, охраняемый правительствами США и России. В добрые времена сюда приезжали и Путин, и Медведев. Посол часто бывает. А раз в год проводятся фестивали русской культуры...

Здесь я узнал, что Форт-Росс не только уникальное место, но и легендарное. Таких мест не осталось даже на Аляске, которая была продана Соединенным Штатам в 1867 году. Задолго до этого, в 1812 году, когда Российская империя воевала с наполеоновской Францией, Российско-Американская компания, имея в подчинении Аляску, приобрела землю, отделенную от остальной местности глубокими ущельями и окруженную строевым лесом и пастбищами. Непосредственными хозяевами этой территории выступали индейцы племени кашайа-помо, которые разрешили русским использовать землю для создания Росса за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги, несколько ниток бус. Русские настолько подружились с индейцами, что сообща стали защищать Росс от испанцев, пытавшихся колонизировать эту землю. В итоге Росс стал самой южной русской колонией в Северной Америке и создавался как сельскохозяйственное поселение, предназначенное для снабжения Аляски продуктами питания. В первые годы компания также уделяла внимание развитию в Россе торговли пушниной, однако основой его экономики стало сельское хозяйство и мелкая промышленность. В конце 30-х гг. XIX века Аляска стала испытывать экономические трудности. Нехватка продуктов питания в условиях сурового климата и сложной логистики привели к коллапсу. Единственным решением было продать Росс, чтобы хоть как-то наладить проблему с продовольствием. И в 1841 году Росс был продан американскому предпринимателю Джону Саттеру за 42 857 руб. серебром. В счет оплаты Саттер поставил на Аляску пшеницу. Сами же русские вместе с алеутами так и остались в Форт-Россе, пока позже не исчезли по разным причинам. Например, еще в 70-х гг. XX в. здесь можно было застать несколько русских семей, говорящих на старорусском диалекте.

Несомненно, я был благодарен Маркару за пробуждение в то раннее холодное утро. И если бы не его настойчивость,

то не исключено, что я бы никогда не побывал в Форт-Россе — самой южной оконечности «русской Америки», где волны океана бьются о скалы, а на заборах гордо восседают белогривые орлы. Именно таким мне запомнился Форт-Росс.

САН-ФРАНЦИСКО-АРМЯНЕ, СПАСШИЕ КРЕСТ

Безмерно благодарен судьбе, что побывал и в красивейшем городе США — Сан-Франциско. Этот город не спутать ни с каким другим. Он эксклюзивный. Но прежде чем рассказать о Сан-Франциско, хочу представить вам человека, благодаря которому состоялось мое знакомство с этим необычным городом — Сергея Агабабяна.

С армянами из Сан-Франциско

Как и Маркар, Сергей тоже уроженец Баку, перебравшийся в Соединенные Штаты в юном возрасте со своими замечательными родителями, с которыми я тоже имел честь познакомиться. Большой поклонник всего немецкого и... Высоцкого. Впрочем, он и повлиял на творчество Сергея, который стал заниматься бардовской музыкой, писать и исполнять собственные произведения. Давал благотворительные концерты. В том числе, в Ереване. Увлечения настолько его охватили, что и глазом не успел моргнуть, как сорок стукнуло. Вот тогда и задумался о семье — завел собаку, женился и обзавелся малышом Владимиром, которого назвал в честь любимого артиста и своего отца. Супругу, Инну, привез из Тбилиси. В этой очаровательной грузинской армянке сошлись все женские качества, о которых мечтает каждый мужчина, — умна, красива, утончена... А готовит так, что за уши не оттянуть едока. Такую жену стоило бы ждуть и сорок, а если понадобится, и пятьдесят лет. Семья Агабабян были и остаются зрителями моего видеоблога. Так и познакомились в переписке. Даже пес Марло хоть и не был знаком со мной лично, но встретил меня как родного. Мы предположили, что мой голос запомнился ему с экрана. Что ж, все может быть!

Итак, расположившись у семьи Агабабян, мы с Сергеем почти каждый день выезжали знакомиться с Сан-Франциско. Удобство еще заключалось в том, что Сергей жил буквально в двух шагах от знаменитого парка Golden Gate, куда он с Марло выходил гулять по утрам, а пес несся по парку, гоняя койотов. Да и сам мост Golden Gate тоже в пешей доступности. Это дало возможность прогуляться по нему, не спеша, в обе стороны, преодолев тем самым почти 5,5 км. Впоследствии, правда, здорово простудился, т.к. в середине моста дует сквозной ветер и не каждый готов встретить его на пути даже летом. Впрочем, это мелочи! Golden Gate не ветрами страшен, но суицидами. В среднем на этом мосту происходит самоубийства каждые две недели. И это со дня основания Golden Gate. Самое первое известное самоубийство случилось спустя три месяца после открытия моста, когда в августе 1937 года в залив прыгнул 47-летний ветеран Первой мировой войны Гарольд Уоббер. Согласно прессе, Уоббер был психически болен из-за контузии в голову на войне. По всему периметру «моста самоубийц», как негласно называют Golden Gate, можно встретить телефонные автоматы и надписи над ними: «There is hope. Make the call. The consequences of jumping from this bridge are fatal and tragic» («Надежда есть. Позвони. Последствия прыжка с этого моста фатальны и трагичны»). Говорят, действует. С появлением этих телефонных автоматов и надписей количество суицидов чуть сократилось, люди звонят с моста и просят психологической помощи.

С помощью Сергея я побывал почти во всех значимых местах Сан-Франциско. Это и бывшая тюрьма Алькатрас, и окрестности городка Саусалито, и Мьюирский лес, в котором произрастают гигантские секвойи, и

усадебка Джека Лондона. Прокатился на трамвайных горках и по самой зигзагообразной дороге мира... Все очень здорово! Не зря Сан-Франциско притягивает творческих людей — художников, музыкантов, актеров... Кстати, самым известным актером-санфранцисканцем был Робин Уильямс. Он жил в этом городе, любил его и не собирался перебираться на голливудские холмы Лос-Анджелеса. Отец Сергея, Владимир Агабабян, был лично знаком с Робинсом Уильямсом, т.к. долгое время был его портным.

— В моих костюмах господин Уильямс появлялся на обложках журналов, получал Оскар, — говорит дядя Володя. — Это был не только большой артист, но и отличный мужик с великолепным чувством юмора.

— Дядя Володь, но коль так, как он мог покончить с собой? Мне казалось, что такие люди не впадают в депрессию.

— Я сам удивился, когда узнал из прессы, что он был найден мертвым от удущья, да еще и страдал депрессией. Не доводилось его таким видеть. Видимо, и в жизни он играл роль — роль счастливого человека. Самое интересное то, что за неделю до этой трагедии я снимал с него мерки. Он заказывал очередную костюму. Значит, собирался в нем куда-то. И вдруг такое известие. Ума не приложу!

Вообще как бы я не относился к Сан-Франциско, многие считают город депрессивным. Возможно, из-за частых туманов, осадков и туч. Что правда, то правда. Я тоже заметил, что не тот город назван «Туманным Альбионом». Лондон в этом отношении здорово уступает Сан-Франциско. Тем не менее, город всегда привлекал эмигрантов. Здесь проживает много русских, китайцев, японцев, камбоджийцев... Конечно же, и армяне. Правда, их численность мне так и не удалось узнать. Они живут повсеместно, нет своего района компактного проживания, как в том же Лос-Анджелесе. Однако когда я был в одной из армянских церковей города и встречался с некоторыми представителями общины, то сделал вывод, что и здесь армяне не однородны. Их корни отовсюду — от Латинской Америки до Ближнего Востока. У них в Сан-Франциско своя школа, детские сады, пресса и... Общий Крест на холме, что виден почти со всех концов города. А дело было так: в 1934 году на вершине парка Дэвидсона был возведен крест высотой 30 метров, ставший одним из самых узнаваемых символов Сан-Франциско прошлого века. Руководил процессом работы над крестом сам президент США Франклин Рузвельт. Крест считался покровителем и защитником города. В середине XX в., когда в Сан-Франциско стали переселяться представители разных конфессий, христианский символ стал причиной многочисленных судебных тяжб. Дошло до того, что мусульмане стали собирать подписи, чтобы снести его, а иудеи пошли дальше — уговорили мэра города, чтобы этот земельный участок выставили на аукцион с расчетом, что кто-то из богатых бизнесменов выкупит землю и снесет «раздражитель». В 1997 году городские власти выставили на аукцион 0,38 акра (0,15 га) земли, включая христианский символ... Армяне решили спасти Крест. Всей общиной собрали внушительную сумму и выкупили землю, переиграв евреев. С тех пор у подножия Креста установлена бронзовая табличка в память о жертвах Геноцида армян 1915 года. На ней написаны слова писателя Аветиса Агароняна: «Если зло такого масштаба можно игнорировать, если наши собственные дети забывают, тогда мы заслуживаем забвения и презрения мира».

Каждый год 24 апреля у подножия Креста в парке Дэвидсона проходят памятные мероприятия. Да и без них здесь всегда много туристов, ведь отсюда открывается великолепный вид на Сан-Франциско. Вот так, с пользой для себя и христиан города, армяне не только сохранили один из символов города, но и увековечили с его помощью память павших.

Как я говорил выше, в Соединенных Штатах я побывал семь раз. Это одна из самых больших стран, а каждый штат уникален по-своему, живет своей жизнью, имеет свою историю, в том числе, историю своей армянской общины. Уверен, мне еще предстоит сюда вернуться и проехать по другим штатам, чтобы рассказать и о других наших соплеменниках, массово проживающих в Массачусетсе, Иллинойсе, Флориде, Техасе и Вашингтоне. А пока приглашаю вас перевернуть страницу и отправиться вместе со мной в очередную страну.

Вадим АРУТЮНОВ